

3. Экскурс в историческое прошлое: «Голос Америки» на острове Свободы, путь к кончине больного раком СССР. Старт ракового казуса с Казановым

В квартире на троих совспецов на втором этаже панельной четырёхэтажки, построенной по болгарскому проекту, из близкого — где-то километрах в пятистах по морю — американского города Майами, населённого миллионом беглых кубинцев, по рижскому радиоприёмнику «Спидола» легко ловилась днём и ночью американская радиостанция «Голос Америки». И чисто, без хрипа радиопомех и жужжащих глушилок — постоянных в Союзе технических средств для сведения на нет передач «вражьих голосов». А здесь, на Кубе, в захолустном городишке Моа, враги голосили непрерывно и беспрепятственно на трёх понятных Казанову языках — русском, английском, испанском.

Правда, партторг *sovieticos* питерец Володя Коновалов как-то при встрече у писсуаров в туалетном зале здания заводских проектировщиков вроде бы вскользь попросил беспартийного Казанова:

— Ты, Антон, не включай свой радиоприёмник на русском во всю ивановскую. А то мне уже пара человек шепнула, что ты постоянно слушаешь антисоветчину по «Голосу». Тебе, по-моему, гораздо полезней то же самое включать на испанском или английском.

— Не совсем, Вова,— застёгивая ширинку, возразил Казанов.— Во-первых, я живу не один, и приёмник не мой. А сожители мои на испанском и английском не понимают ни бельмеса. Во-вторых, на английском или испанском русские журналисты и дикторы передают только краткие комментарии к тому, что им скажут наши эмигранты или иммигранты на русском. Но уж раз мне партия сказала: «Сделать!» — я салютую: «Есть!» А своих двух сожителей, недавних комсомольцев Смекалина и Кажина, попробую направить по партийной стезе — слушать контру втихаря. Если они отклонятся вправо или влево и захотят пойти по пути ревизионизма и морального разложения, я тебе донесу.

Этот разговор в цивилизованном кубинском нужнике Казанову запомнился, вероятно, потому, что дикторы и беглецы из СССР в США в то время многократно и со злорадством повторяли, в частности, мрачные предсказания: мол, годы следующей пятилетки станут для СССР годами похорон престарелых, больных и дряхлых членов Политбюро КПСС. И как в воду зрели чёртовы янки! Эти незаменимые, давно высоко взлетевшие орлами члены наперегонки порхали в ниши на Кремлёвской стене, прикрытые чёрными мраморными табличками с их Ф.И.О. и датами рождения и смерти — справа от ленинского Мавзолея. Пророчество сбылось, и первым в этой очереди по праву занял место Леонид Брежнев, сорвался в могилу у Кремлёвской стены 10 ноября 1982 года чуть ли не с трибуны Мавзолея, откуда три дня назад он взирал на парад и демонстрацию в честь шестьдесят пятой годовщины октябрьского переворота семнадцатого года.

На Лёнино место водрузился гэбэшник Юрий Андропов, большой эрудит, сочинявший даже сентиментальные стишки. Но сантименты в сторону! И поэт-гэбэшник на посту

генсека — во имя соблюдения трудовой дисциплины — закрутил гайки несвободы «по самое не хочу». А иначе как догнать и перегнать Штаты по уровню производительности труда?..

Кто не помнит или ещё не повзрослел к тому времени, напомним о «беспределе» его абсурдного правления. Так, милиции дали право отлавливать в магазинах, в кинотеатрах и на остановках автобусов, трамваев, троллейбусов граждан обоих полов с восьми до пяти в дневное время и требовать документ, разрешающий отсутствие задержанного на рабочем месте. Хотя в те годы работа многих предприятий в три смены была нормой. Однажды один из подчинённых Казанова, начальник отдела охраны труда и техники очкарик Вася Каменчук, заскочил к нему, главному инженеру научно-производственного объединения, с глазами бешеного таракана и сообщил, что беднягу едва не схватили менты из отдела охраны социмущества, когда он заскочил через задний ход гастронома купить по благу бутылку «Столичной». Но он успел надеть халат грузчика и проскочить с каким-то ящиком или мешком мимо ментов, заблокировавших чёрный выход.

Надорвался жандарм-поэт, вскоре «откинул ласты» и отравился на лафете пеплом в урне в почётную нишу. Позднее оказалось, что генсека Юрия Андропова смертельно ранила в живот в лифте жена министра МВД Николая Щёлокова. Она продолжала жить в квартире правительственного дома и после посадки мужа в тюрьму, с Андроповыми на разных этажах в одном подъезде.

Автора этот эпизод из биографии кремлёвских небожителей подтолкнул к грустному философическому обобщению:

Все мы обречены страдать,
Будь ты генсек иль император.
Нет жажды в славе умирать,
Чтоб угодить в могильный кратер,
Или в унылый Мавзолей,
Иль пеплом внутрь Кремлёвской стенки —
По мере важности своей
И властью признанной оценки,
Чтобы потом плевал народ
На разрушителей России,
Нам даровавших тухлый плод
Под иго нового мессии.

Преемником очередного генсека, земляка красноярцев, страдавшего одышкой и народобоязнью чинуши с чёрной фамилией, в марте 1985 года стал говорливый балабол Михаил Горбачёв — Горбач, могильщик СССР. Всего на два года моложе Казанова, но на пять сантиметров выше его ростом — сто восемьдесят один. Он объявил корявую «перестройку» с претензией спарить «негра с мотоциклом»: из симбиоза преимуществ капитализма и социализма выродить мутанта для рывка к сияющим вершинам коммунизма — «насухую» и натошак. С запретом — по совету «дуба» Егора Лигачёва, уроженца деревни Дубинино, — употребления водки-сучка для рывка и плавленных сырков на закуску. При правлении этих нью-сиамских близнецов Горбач — Лигач родилось, под самогонное вдохновение, множество частушек, вроде:

Перестройка-перестройка,
Я и перестроилась:
Раньше я спала с одним,
Теперь к троим пристроилась!

Только без водки и без закуси даже трое трезвых и голодных партнёров вряд ли доставляли удовлетворение ненасытной певунье-перестроечнице. Вот и заболели мужики простатитом, о котором до перестройки никто ни ухом ни рылом не ведал. А раком, конечно, народ мёр, но зато тихо, без паники отправлялся на погост. А на поминках, бывало, о покойнике забывали и пели космические частушки типа:

Я Титова полюбила,
А Гагарину дала.
Ощущение такое,
Словно в космосе была.

Однако вот жену свою, Раису Максимовну, как и страну нашу, СССР, Горбач не уберёт: супруга скончалась раком от лейкоза. А государство, как декларировалось речами и гимном, своей мощью нерушимого союза республик свободных превосходившего все державы мира, — вроде бы и вопреки желанию его последнего вождя — развалилось на множество осколков, названных суверенными государствами, и тоже стало прахом раковой экономики и идеологии. Сам же Михал Сергееч превратился в оборотня, гражданина мира. И, оставаясь престарелым холостяком, процветает, собрав всевозможные почётные

награды вплоть до Нобеля. А попутно и набив карманы долларами-фунтами-евриками по всему миру на безмятежное существование своего потомства до «дней последних донца».

***

Дверь во врачебный кабинет изнутри приоткрылась, и женский голос пригласил его, Казанова, на первое предраковое свидание с врачом. Он от Нины запомнил её имя: Софья Владимировна. А её внешний образ предстал перед ним высокой белокурой дамой лет сорока с приветливым красивым лицом, освещённым голубыми глазами в чёрной обводке верхнего и нижнего век.

— Садитесь, рассказывайте, что вас беспокоит, — указала она узкой ладонью на прикрытое салфеткой сиденье стула.

Казанов не успел открыть рта, как стоявшая за его спиной Нина со сверхзвуковой скоростью выдала всю исходную информацию о его входном и выходном отверстиях — дивертикуле пищевода и простате в ректальном мраке. И что было предпринято до этого свидания для их лечения. А теперь хотелось бы знать, что необходимо делать в ближайшем будущем, дабы любимому не умереть раком.

И заключила полезную информацию сенсационным сообщением:

— Муж у меня писатель. И вот вам, доктор, в подарок две книги из моря его сочинений!

Софья Владимировна немного смутилась, сказав, что до этого момента никто из пациентов не признавался, что был писателем. И попросила Казанова украсить титульные листы его романов автографами. Пока он выкладывал часть своей души в тёплые слова дарения, его жена и врач обменивались информацией о пользе мёда, который Нина покупала у бывшего лётчика, а ныне пчеловода. И врач в ответ удивила собеседницу информацией, что её муж, в недавнем прошлом мент, добровольно бросил службу. И уже два года с весны до поздней осени живёт в построенном им самим доме в тайге, занимаясь бортничеством. По части медицины Софья Владимировна сказала, чтобы Казанов сам позвонил в регистратуру районной больницы и записался на приём к урологу. А от кашля посоветовала супругам принимать всемогущий антибиотик и ещё что-то, поскольку многие районы края охвачены пандемией гриппа и пневмонии.